

Василий Заботин

**Медицинские истории
о любви и предательстве**

Москва, 2013 г.

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84
312

Заботин В.

312 Медицинские истории о любви и предательстве: рассказы / Василий Заботин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 258 с.

ISBN: 978-5-518-40036-8

УДК 82-3
ББК 84(2РОС=Рус)84

© В. Заботин, 2013
© Lennex Corp., 2013

У писателя необычная для наших дней художественная проза.

Современные россияне: врачи, лётчики, шофёры, литературы, барды, военные, олигархи, риелторы, полицейские, артисты, женщины лёгкого поведения, чиновники, медсестры в его повестях и рассказах обретают неординарное, романтическое обличие, возвышаются над прозой жизни до уровня уникального своеобразия, не терпящего тиражирования.

Когда-то в молодости он был драматическим актёром, а потом – театральным режиссёром. Газеты советского времени писали о нем как о многообещающем театральном таланте. Но этим прогнозам не суждено было сбыться. Он тяжело заболел, ушёл из театра в медицину, вылечил себя и ещё многих и многих больных людей. Стал известным врачом и учёным, автором и соавтором более пятиста научных публикаций по медицине, доктором медицинских наук, профессором.

Мысли автора, портреты героев и действующих лиц его прозы сплетены с поэзией и простонародной мудростью. Эмоционально напряжённый разворот фабулы его рассказов состоит из виртуальных мизансцен высокого театрального действия.

Часть своих медицинских историй он написал давно. Но не публиковал.

Теперь настал их черед.

Прочитайте. И не пожалеете.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Леонид Романов	3
-----------------------------------	---

Повести и рассказы

Ландыши на Юрас	5
Доктор Славик	18
Гомеопатическая формула неразменной любви	53
Командировка	80
Мимолетная лавстори	92
Массажистка Вера	115
Санаторный сонет	138
Смертельная ссора	142
Завотделом прозы	157
Свистушка	173
Ассенизатор	186
Лётчик	191
Гей севера, Москва – виват.	203
Библиотекарша	210
Внутренняя апробация докторской диссертации	219
Профессор	236
Ветеринар	249

ЛАНДЫШИ НА ЮРАС

Советская Латвия.

Семидесятые годы прошлого века.

Весенняя Юрмала, ландыши на улице Юрас, и я – молодой, начинающий поэт, отирающийся у Дома Творчества писателей в поисках престижных знакомств и литературных покровителей.

Впереди – целая жизнь, многообещающая и, по-настоящему еще непочатая, как консервная банка Рижских шпрот, которую еще предстоит открыть, а шпроты – съесть.

Легкомысленная кадретка на улицах Йомас, Юрас и на взморье. И все это промеж писателей, поэтов, известных артистов, бардов, композиторов, эстрадных звезд и прочих знаменитостей.

Вон он, вальяжно бредет по взморью к ресторану «ЮРАС ПЕРЛЕ», популярный киноартист Михаил Лапкин с бородавкой на щеке. Походит, пофланирует по взморью, а вечером, где-нибудь в ДКБФ споет под взятую напрокат гитару, какую-нибудь, сочиненную им песенку о том, как хорошо и спокойненько, например, на российском кладбище, опрокинуть стопарик и закусить на могильном холмике – бугорке. Для кого святотатство, а для кого – искрометный юмор – обхохочешься!

А также, при случае и под настроение, можно еще в ДКБФ и сбачать матросский танец «Яблочко» (примечание: ДКБФ – Дом культуры Балтийского флота при санатории для моряков в Майори). Советским морским офицерам это будет очень даже наглядно и интересно.

И вообще – слава нашим доблестным вооруженным силам!

А вон – важный, в привлекающем всеобщее внимание, светлом, как белый снег, халате шествует искупнуться в море всем драматургам драматург Алексей Николаевич Арбузов.

А вон – главный редактор «Литературной газеты» Александр Борисович Чаковский.

А вон – писаная красавица актриса Элина Быстрицкая, и неспешной тенью, вроде бы промелькнул в зоне видимости сам Аркадий Исаакович Райкин, а вон – молоденькая и романтическая восходящая эстрадная звезда – Алла Пугачева, вся супермодная и, как Мэрилин Монро, загадочная привлекательная и недоступная.

Атмосфера романтики, надежды, ожидания лучшего в жизни и творчестве подсушит нас, ищущих и жаждущих приключений, бодрящим и тонизирующим мышечный корсет и центральную нервную систему балтийским бризом....

А, еще плюс к тому, по серпантину прибрежных, уходящих одна в другую, улиц, как резвые песчарики по дну пресноводного ручейка, сует-

тятся – снуют разные все из себя завлекательные девушки, приехавшие за приключениями из посконного среднерусского совка, и коренные, гордые и надменные, но все туда же – любвеобильные латвийские гёрлы.

Одну я зацепил легкомысленным наскоком у Юрас Перле. И назвалась она так непривычно для меня, чужестранно – возвышенно, интригующе: Дзидра и ассоциативно даже как-то повелительно и жестко, как щелчок капкана на слуху мышонка: Дзид – ра!

«Дзидра» - в русской звуковой транскрипции.

Потом были прогулки при луне по взморью, декламация всяких собственных стихов, потрясающая яблочная выпечка в маленьком кафе «Межабеле» в Дзинтари, и на всю жизнь запомнившаяся встреча в собственном доме ее родителей на взморье, когда они на время отъехали в Ригу к родственникам.

Уходя рано утром от нее к себе в гостиницу, я рвал спелые ягоды черники в дюнах. И медленно и неспешно лакомился ими.

И непроизвольно, сами по себе, на пике гормонального всплеска в сыворотке юной крови, в душе у меня слагались и пёрли наружу стихи. Лирические и нежные. Наверное, за эти мои стихи влюбила меня в себя эта теперь, хоть на время, моя обаятельная, привлекательная и вообще прекрасная Дзидра...

И дородная фрау Энгельс, и сменяющая ее администраторша Люция, тщательно скрывая и маскируя неприязнь к «эсэсэсэровским порабитителям» «участливо, в разной, предупреждали: «Ой! Юноша! Какие же у вас черные губки! Умойте их скорее тепленькой водичкой. Лабрит, лабрит (примечание: «лабрит» – доброе утро по латышски), юный покоритель женских сердец! Мы вам не сказали вчера лабвакар (примечание: «лабвакар – добрый вечер по латышски), потому что вы сегодня не изволили ночевать в гостинице».

«Только что перед вашим приходом «Рунаа Рига» (примечание: «Говорит Рига» на латышском языке) провозгласило наше радио. Идите, миленький менистрель, отдохните, поспите часок. Вам это так нужно именно сейчас. По вашему внешнему виду».

Я, действительно, с часок покемарил, слегка перекусил, чем было в номере, с накатившей вдруг после этой бурной ночи, голодухи, и вышел на улицу.

Высокий, поджарый молодой грузин в обязательном для них в Юрмале фирменном костюме «Адидас», приобретенном по случаю в Рижском порту у моряков («Сегодня носит Адидас, а завтра – Родину продаст». Совагитка Брежневских времен), всем своим напыщенным и самовлюбленным видом демонстрировал окружающим, что не приехал торговать арбузами на местном рынке, а совершенно наоборот, он – кристаллизо-

ванный совинтеллигент и интеллектуал, а никакой-то там рабочий класс или нищий колхозник.

Грузин, при престижных национальных усиках на верхней губе, столбом стоял у дверей гостиницы и сальным взглядом провожал всех молодых особ женского пола.

У восточных инородцев, приехавших в Юрмалу торговать и самовыражаться, в ритуал входило такое, почти самозабвенное простаивание у дверей гостиницы. За все время пребывания в Юрмале до моря они так и не доходили. Не говоря уже о закидонах в концертный зал, теннисный корт и на прочие глупости.

Зато, вернувшись к себе домой, в Грузию, такой доблестный грузин будет прилюдно бить себя кулаком в грудь и победно вещать согражданам о том, как он отдыхал и жил в гостинице «Юрмала», на, почти что, западноевропейском курорте под самой Ригой. В той самой суперсовременной, на иностранный манер, гостинице «Юрмала», которую недодавленные советским режимом латыши отгрохали на месте скромной старой, деревянной постройки бульонной, где тебе подавали чашку крепкого мясного или куриного бульона с половинкой куриного яйца в нем и пирожок с мясной начинкой. Эдакие для любвеобильных грузин с усиками Юрмальские страсти. Вроде теперешних, на радио «Эхо Москвы», ежедневных радиопередач для страдающих ностальгией соотечественников, - «Московские старости».

(«Слышал? говорят, настал черед бить полевых грызунов и всяких там сусликов. Да не грызунов, а грузинов. И все они с усиками». Молодежная шуточка в среднерусской полосе дружного и многонационального Союза ССР)

А в конце июня в Юрмале еще цвел жасмин, и было ветрено на душе. И Балтийское море у ДэКа Балтфлота ласковым шумом прибоя создавало нам с Дзидрой – наш, только нам двоим доступный и понятный синхронный звукоряд, резонансный самым ценным в людском сообществе извечным словам – понятиям: «любовь» и «свобода».

(Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в любовь». Рефрен молодежной песенки советских времен).

А Балтика, она не всегда ласковая и лучезарная.

Лучезарной она точно будет, если на закате прийти, встать слева рядом с Домом творчества писателей и смотреть, как утомленное солнце опускается в морскую гладь за горизонт.

А чаще Балтика довольно хмурая и ветреная...

Как-то раз, ночью, штормом на берег, в районе Булдури, вышвырнуло китёнка, и он, мертвый, огромной тушей, распластанный, лежал на песке.

Зрелище для здешних мест – уникальное, диковинное.

(«По улицам слона водили, как будто на показ. Известно, что слоны в диковинку у нас». Иван Андреевич Крылов)

И мы все, бездельники и ротоzeи, бегали смотреть на него. А местная газета, абстрагируясь от эстетики и такта, поместила его посмертную фотографию на своей первой полосе.

Но это все мелочи жизни, и не всем же быть поэтами и эстетами.

Куда лучше, отбросив всякие этакie мерлехлюндии и душещипательные поэтические изыски, в мажоре провожать заход солнца в Дубултах или в том же гостеприимном Майори, гужуясь меж знаменитостями советской прозы и поэзии.

(«Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы». Александр Пушкин).

Или, прохаживаясь у кромки прибоя и вентилируя легкие, зашлякованные в загазованной Москве, вслух для Балтики и для себя, читать необязательно свои, но непременно эмоционально-трогательные, стихи. И, если никого поблизости нет, в голос петь эстрадные хиты, ассоциируя в своем эго их образный строй.

И для себя одного, вознесенного Искусством над серой и унылой прозой неизвестно куда устремившейся жизни, жадно ассимилировать их броскую внешнюю форму: мелодичный строй и содержание в виде словесного наполнителя.

Нечто вроде туалетной бумаги из Слоки, используемой по своему прямому назначению.

(«Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно. В роковом его просторе много бед погребено». Словесная вязь из некогда популярной предвоенной советской песни.)

Эх, молодость, молодость, наша невозвратная и невосполнимая ничем на всем белом свете молодость...

Вот бы всю жизнь, с захватом средних лет и старости, как в нирване, провести в Юрмале, да, увы - нельзя! Денег таких у меня для этого нет. Не заработал ничегошеньки так любезными мне стихами.

И такими же, кстати сказать, любезными и желанными для моей Дзидры. И ничем другим, пока что тоже, – не заработал и не урвал у нашей, неустанно воспеваемой и восхваляемой по московскому радио, социалистически продвигаемой, все вперед и вперед к коммунизму, жизни.

(«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Интернационал).

Как бы ни так! Держи карман шире: я как был в Москве своей ничем, так и в Юрмале, устремленной прочь от Москвы на Запад, тоже пребывал и гужевался как никем, так и ни с чем.

И, скорее всего, именно поэтому Илья Подберезник, уже сумевший урвать в совке и в Латвии свой поэтический песенный куш, на меня никакого особого внимания не обратил.

Не до меня и моих стихов Илье было: европейский кайф, вино, музыка, девушки. Это вам ни фунт изюма, не какой-то там усреднено настырный московский юнец. У которого кишка тонка даже в ресторан пригласить пообедать. Лишних денег, у него, видите ли, нет...

Тут как-то Подберезник со своим другом, латышским композитором, от души поддавал в юрмальском ресторане. А ресторанный певичка – зырк глазками, видит, что поднабрались, - и прямо к их столику: «Сочините, именитые и суперизвестные музыкальные дяденьки, для меня, разнесчастной, какой-нибудь ваш клеветный и искрометный хит. Чтоб заметили меня, обратили внимание и продвинули снизу-вверх в совэстраде».

И написали добрые дяденьки ей искрометный хит. И взлетела она с ним на эстрадный олимп. Такая вот, где-то даже поэтическая и трогательная ресторанный история....

Где ты теперь, успешный и, не в пример мне, хорошо оплачиваемый поэт–песенник Илья Подберезник? Каких новых девочек кадришь, какие новые хиты сочиняешь, какие бабки гребешь лопатой? Вспомнишь ли хоть когда-нибудь, как мы с Дзидрой знакомились с тобой и с таким, всегда навеселе и в очках, знаменитым потом рижским музыкантом и композитором (запамятовал, по старости, сейчас его имя).

Десятилетия прошли, канули в лету. И много чего было и ушло – сгинуло.

Истерлось на ступенях заплыванной и замусоренной общественной лестницы по пути в сыроподвальное небытие.

(«И никто не додумался просто встать на колени и сказать этим мальчикам, что в бездарной стране даже светлые подвиги – это только ступени в бесконечные пропасти к уходящей весне». Александр Блок.)

Блок, говорят, помер от голода в Советской России. За эдакие его стихи ему не хотели платить.

И кормить хлебом насущным за такие, несозвучные «Левому маршу» большевиков, вирши – категорически не хотели.

(«Уберите этот торт! Стих даешь - хлебов подвозу. В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг!». Маяковский «Птичка божия».)

(«Я часто хожу на пристань. И то ли на радость, то ль в страх, гляжу среди судов все пристальней на красный советский флаг. Теперь там достигли силы, дорога моя ясна... Но вы мне по-прежнему милы, как Родина и как весна». Сергей Есенин «Анна Снегина».)

А мое поэтическое счастье и везение тем временем в Юрмале, про-
меж наших с Дзидрой сцепленных пальцев рук, ускользало и уплывало,

как уплывают детские бумажные кораблики, легкомысленно спущенные на воду в реке Лиелупе. Запущенные, что называется «не отходя от кассы» и «с места в карьер»: прямо с железнодорожной платформы станции Майори.

И поплывут они, бумажные кораблики, по течению полноводной реки Лиелупе прямо в бескрайнее, не привыкшее ни с кем и ни с чем шутить, Балтийское море. Какие поплывут красиво, легко и быстро, а какие - во времени, – тягомотно и долго.

И плыть будут, пока не намокнут и пойдут ко дну.

(«По реке плывет бревно у села Кукуево. Все плывет себе оно – деревяшка ху-ду-ева».) Народная русская деревенская присказка, сиюминутно ассоциативно адаптированная к строгому, и не терпящему легкомысленных вольностей и разных грубых совковых намеков, укладу размеренной и эстетически выверенной юрмальской жизни.

Что делать! Два разных полюса одного на всех - и на русских, и на латышей, и на эстонцев, и на литовцев, - великого и могучего Советского Союза.

Все никак не кончался, все продолжался и продолжался, а тут вот, как перерастянутая бечёвка, вдруг оборвался мой юрмальский любвеобильный и совершенно пустой, в поэтическом плане, разведовательно-развлекательный вояж. Уж так у меня получилось: растаяли советские рубли-денежки, припасенные на состыковку и контакты с элитой поэтической и писательской братией, сконцентрированной далеко от Москвы, в почти что продвинутой в Европу, романтической и суперпрестижной, для сливок советского общества, Юрмале.

Прощай, моя нежная поэтическая муза Дзидра!

Ты такая для меня гордая и возвышенная, обжигающе – яркая, как оптическая линза под лучами юрмальского полуденного солнца!

Или как нежданная – негаданная счастливая находка в путанице морских водорослей, выброшенных на берег в Майори – материальная толка потаенных россыпей прибалтийского природного коричневатого-золотистого, безумно красивого и целебного для Базедовой болезни, янтаря...

Только «базедки» у меня нет и никогда не было.

Не забывай меня, Дзидра!

Никогда в твоей жизни, ни за что, и ни при чем, - не забывай.

Я хотел сделать тебя счастливой, Дзидра!

И сейчас, покидая тебя вместе с Юрмалой, я перед тобой как малыш Чарли из рассказа О.Генри, презирающий дешёвку.

Пусть для тебя я всегда буду молодой, сильный, мужественный, богатый и нежлобливый.

Может, когда и схлестнемся снова! И тогда уже навсегда, в нашей